

‘Громко’, ‘тихо’ и их соседи: данные уральских языков Волго-Камского ареала*

Егор Владимирович Кашкин
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
egorka1988@gmail.com

В статье рассматривается выражение семантики высокой и низкой громкости в уральских языках Волго-Камского ареала — горномарийском и удмуртском (на материале татышлинского говора). Проанализированы базовые модели организации этой семантической зоны. Обсуждаются аргументы за и против того, чтобы трактовать рассматриваемые примеры как случай ареального взаимодействия языков.

Ключевые слова: уральские языки, горномарийский язык, удмуртский язык, лексическая семантика, семантика громкости, ареальная лингвистика.

‘Loud’, ‘quiet’ and their neighbours: Evidence from the Uralic languages of the Volga-Kama area

Egor Kashkin
V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS
egorka1988@gmail.com

The article deals with the expressions of ‘quiet’ and ‘loud’ in two Uralic languages of the Volga-Kama area — Hill Mari and Udmurt (data from the Tatyshly subdialect). I analyze the basic patterns of how these semantic domains are organized, and also discuss arguments for and against considering the patterns observed as a contact-induced phenomenon.

Keywords: Uralic languages, Hill Mari, Udmurt, lexical semantics, semantics of loudness, areal linguistics.

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627.

1. Введение

В статье рассматриваются лексемы с семантикой наличия звука (‘громкий’/‘громко’) и отсутствия звука (‘тихий’/‘тихо’), в первую очередь в адвербиальных употреблениях. Мы обсудим развиеваемые ими модели полисемии, а также проанализируем некоторые из них в ареально-типологической перспективе.

Статья основана на материале восточных говоров горномарийского языка и татышлинского говора периферийно-южного диалекта удмуртского языка. Исследование горномарийского языка проводилось в 2016–2019 гг. в с. Кузнецово и окрестных деревнях Горномарийского района Республики Марий Эл (сайт проекта: <http://hillmari-exp.tilda.ws/>). Данные удмуртского языка собраны в 2019 г. в д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Нижнебалтачево, с. Новые Татышлы Татышлинского района Республики Башкортостан (сайт проекта: <http://tatyshly-udmurt.tilda.ws/>).

Для рассматриваемых идиомов характерны схожие модели устройства семантической зоны наличия и отсутствия звука. И горномарийский язык, и татышлинский говор удмуртского языка испытывают существенное контактное влияние алтайских языков (см. [Федотов 1990; Baidoullina 2003] и др.), что важно для дальнейшего изложения.

Работа опирается на фреймовый подход к лексической типологии, предполагающий изучение семантики лексем на основе анализа их сочетаемости (см. [Rakhilina, Reznikova 2016] и приводимые в указанной статье ссылки). В первую очередь данные собирались методом анкетирования носителей языка. Дополнительно привлекались словари и записанные в экспедициях тексты. Мы учитывали результаты доступных работ о поле высокой и низкой громкости, см. систематизацию полисемии русских лексем *тихий* и *тихо* в [Перспектив активнаго словаря 2010: 638–645], сопоставление русского и украинского материала в [Яворська 2013], а также сведения по еще одному финно-угорскому языку Поволжья — мокшанскому [Сапожникова, Максимова 2013; Кашкин и др. 2018: 811–812].

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 рассматриваются базовые модели устройства семантических областей высокой и низкой громкости. Раздел 3 посвящен более дробным семантическим противопоставлениям. В разделе 4 некоторые из выявленных моделей обсуждаются в ареально-типологической перспективе. В разделе 5 подводятся итоги.

2. Базовые модели

2.1. Высокая громкость и интенсификация

Семантика высокой громкости выражается в исследуемых идиомах интенсификаторами с широкой сочетаемостью. В горномарийском языке это наречие *kogon*¹ (1), образованное по регулярной модели от прилагательного *kogo* ‘большой’ (ср. *kogo kataka* ‘большая печка’, *kogo päsä* ‘большая работа’). Примерами его интенсификационных употреблений служат сочетания *kogon karšta* ‘сильно болит’, *kogon susu* ‘очень рад’, *kogon totlä* ‘очень вкусный’, *kogon jangälaš* ‘сильно уставать’, *kogon učastvijenät* ‘активно участвовали’ [дети в конкурсах], *kogon kogo* ‘очень большой’ и др. В [Саваткова 2008: 96] лексеме *kogon* приписана дефиниция ‘очень, слишком’.

(1) *ät'ä-m* *kogo-n* *sägär-äl-Ø* *šändä-š:*
отец-POSS.1SG большой-ADV кричать-АТТ-CVB сажать-AOR

“cilä-n vac-ta kravat'-äškä!”

весь-ADV лечиться-IMP.PL кровать-ILL

‘Отец громко крикнул: «Все ложитесь в кровать!»’

В татышлинском удмуртском аналогично используется лексема *katä* (по-видимому, заимствованная из контактных тюркских идиомов, см. также далее). В [Байдуллина, ms.] она истолкована как ‘крепко, сильно’; ‘резко, грубо’; ‘громко, зычно’. В нашем материале она фиксируется как в контекстах громкости (*katä veras'ke* ‘громко говорит’, *katä ž'äkärte* ‘громко скрипит’), так и в других интенсификационных контекстах (*katä vis'e* ‘сильно болит/болеет’, *katä ž'aratis'ko* ‘сильно люблю’, *kuaz' katä zore* ‘идет сильный дождь, букв.: погода сильно дождит’).

Отметим, что «звуковая» интерпретация таких интенсификаторов наводится контекстом и не возникает в независимом употреблении, см. пример (2) из татышлинского удмуртского и (3) из горномарийского.

(2) *klas-än* *kuara/* **katä.*
класс-LOC звук сильно
‘В классе шумно.’

¹ Значение большого количества выражается, однако, не лексемой *kogon*, а лексемой *šukä* ‘много’, ср. *šukä škäl* ‘много коров’.

- (3) *ti-štä* *šum-an* / **kogo* / **kogo-n*, *kn'igä-m lād-aš*
 этот-IN шум-PROP большой большой-ADV книга-ACC читать-INF

a-k *li*.

NEG.NPST-3 становиться

‘Здесь шумно, нельзя книгу читать.’

2.2. Низкая громкость и скорость

Семантика низкой громкости в горномарийском языке выражается наречием *izīn*, образованным от прилагательного *izi* ‘маленький’² (4). Кроме того, используется наречие *olen*, выражающее значения ‘тихо’ и ‘медленно’ (4)–(5).

- (4) *ät'ä-žä* *izi-n* / *olen keles-en*:
 отец-POSS.3SG маленький-ADV тихо говорить-PRET

“*vrač-âm šüdü-dä*.”

врач-ACC звать-IMP.PL

‘Отец тихо сказал: «Вызовите врача».’

- (5) *keč-et* *olen* *ül-äk* *val-a*.
 солнце-POSS.2SG медленно низ-ILL2 спускаться-NPST.3SG
 ‘Солнце медленно опускается вниз.’

Закрепление за одной и той же лексемой значений низкой громкости и низкой скорости отмечается и в татышлинском удмуртском для лексемы *kall'en* ‘тихо; медленно’³:

- (6) *ös* *kall'en* *ž'äkârt-e*.
 дверь тихо скрипеть-PRS.3SG
 ‘Дверь тихо скрипит.’

- (7) *mašina* *kall'en* *mân-e*.
 машина медленно идти-PRS.3SG
 ‘Машина медленно едет.’

² В интенсификационной функции при этом используется форма *iziš* с непродуктивным адвербиализатором, ср. *iziš karangân* ‘немного отошел’, *tumajâtmâla iziš* ‘надо немного подумать’.

³ Горномарийская лексема *olen* и удмуртская *kall'en* связываются с одним и тем же источником заимствования — чувашским *хуллен / холлен* ‘медленный, медленно; тихий, тихонько, потихоньку’, см. [Федотов 1990: 266; Федотов 1996: 356; Wichmann 1987: 88].

Как и семантика высокой громкости, семантика низкой громкости в случае рассмотренных лексем также наводится контекстом, см. иллюстрацию из горномарийского языка:

- (8) *ti-štä* *târ* / **izi(-n)* / **olen*,
 этот-IN тихий маленький-ADV тихо
kn'igä-m *lâd-aš* *jažo*.
 книга-ACC читать-INF хороший
 'Здесь тихо, книгу читать хорошо.'

2.3. Аналитические конструкции

В исследуемых идиомах используются конструкции с семантикой высокой или низкой громкости, построенные по модели '(с) большим/маленьким голосом (звуком)', см. в горномарийском *kogo juk don šajâšteš* 'говорит громко' и *izi juk don šajâšteš* 'говорит тихо', в татышлинском удмуртском, соответственно *ba'žâm k̄arajen veras'ke* и *pič'i k̄arajen veras'ke*. Комитативно-инструментальную функцию выполняют регулярные маркеры: послелог *dono/don* в горномарийском и инструментальный падеж (-*en*) в татышлинском удмуртском. Относительно татышлинских конструкций заметим, что они знакомы опрошенным носителям, но многими из них оцениваются как принадлежащие литературному языку и менее характерные для говора.

3. Семантические противопоставления

В этом разделе мы рассмотрим семантические оппозиции, выявленные в рассматриваемом поле, остановившись на лексемах со значением низкой громкости. Для лексем со значением высокой громкости этот вопрос не обсуждается, поскольку сводится к исчислению конкретных типов источника звука и звуковых ситуаций, что выходит за рамки текущего исследования (ср. примеры единиц со звуковой семантикой в [Рожанский 2002]).

3.1. Речевые и неречевые контексты.

Горномарийская лексема *olen* в части идиолектов не сочетается с глаголами, описывающими звуки неодушевленных предметов:

- (9) *amasa* *izi-n* / **olen* *jočârg-a*.
 дверь маленький-ADV тихо скрипеть-NPST.3SG
 'Дверь тихо скрипит.'

- (10) *täpnäk-äštä izi-n / ?olen*
сумка-IN маленький-ADV тихо

oksa-vlä t'ongärt-alt-äl-ät.

деньги-PL звенеть-MED-ITER-NPST.3PL

‘В мешочке тихо звякают монеты.’

С глаголами, описывающими неречевые звуки человека (как ‘плакать’, ‘смеяться’), лексема *olen* в целом приемлема, но некоторые носители языка сомневаются в таком употреблении (11). В речевых контекстах эта лексема используется свободно (ср. (4) выше).

- (11) *ädäräs izi-n / ?olen mägär-ä.*
девочка маленький-ADV тихо плакать-NPST.3SG
‘Девочка тихо плачет.’

Противопоставление звуков различных типов (в частности, речевых и неречевых звуков, издаваемых человеком, а также звуков неодушевленных предметов) обсуждалось в литературе в связи с употреблением собственно глаголов звука, ср., например, [Рахилина и др. 2015] о типологии метафорических расширений глаголов, исходно обозначающих звуки животных. В данном случае это противопоставление значимо (по крайней мере в части идиолектов) для адвербиалов, характеризующих эти звуки, что представляет сюжет для дальнейших типологических исследований.

3.2. Тихий звук и отсутствие звука

В горномарийском языке лексически противопоставлены контексты низкой громкости звука и контексты отсутствия звука. За последними закреплены лексема *târ* ‘тихий, тихо’ и ее дериват *târân* ‘тихо’, см. *târ vadâ* ‘тихий вечер’, *târân šänzä!* ‘Тихо сиди!’, *jälâštâ târ* ‘На Волге штиль’. Эти лексемы не могут использоваться в сочетании с глаголами звучания (12) или для описания ситуаций, предполагающих малую, но не нулевую интенсивность (13), ср. приведенный выше пример о штиле.

- (12) *amasa izi-n / *târ-ân jočârg-a.*
дверь маленький-ADV тихий-ADV скрипеть-NPST.3SG
‘Дверь тихо скрипит.’

- (13) *sotâgečä-n izi / izi-n / olen /*
день-GEN маленький маленький-ADV тихо
**târ / *târ-ân mardež äfâl-en.*
тихий тихий-ADV ветер дуть-PRET
‘Днем дул слабый ветер, никто не ожидал, что будет гроза.’

Тем самым, в данном случае контексты низкой интенсивности противопоставлены контекстам «нулевой» интенсивности. Эти данные интересны для типологии семантических каритивов (т. е. лексем, обозначающих отсутствие чего-либо), см. о них, в частности, [Толстая 2008: 50–98].

3.3. Тихое поведение человека

И в горномарийском, и в татышлинском удмуртском имеются специальные лексемы, описывающие узкий класс ситуаций, в первую очередь ситуацию тихого поведения человека (типа русского *Сидите тихо!*, предполагающего отсутствие различных действий, которые могли бы произвести шум). В горномарийском языке лексема *jāvāšt/jāvāštān* используется в контекстах тихого поведения (*nu-ka jāvāšt lidä!* ‘Ну-ка прекратите шуметь, букв.: будьте тихими!’) и тихой речи (*jāvāšt popā* ‘Тихо говори’). Лексема *šāp* применима к тихому поведению (*šāp šānzädä* ‘Сидите тихо’) и тихой обстановке (*tinä piš šāp* ‘На улице очень тихо’, *mardež šāp li* ‘Ветер стих’). В татышлинском удмуртском зафиксирована лексема *šāpāt/šāpārt*, также относящаяся к тихому поведению (*šāpārt ruke* ‘Он сидит тихо’) либо к тихой обстановке (*komnatajān šāpārt* ‘В комнате тихо’).

4. Громкость и интенсификация: ареальная черта?

В данном разделе мы рассмотрим аргументы за и против того, чтобы связывать модель обозначения высокой громкости более общим интенсификатором с ареальным взаимодействием языков. Под интенсификаторами мы понимаем единицы, описывающие высокую степень проявления каких-либо признаков. Мы обсудим распространение такой модели в Волго-Камском ареале (раздел 4.1), иные модели обозначения громких звуков в уральских языках (раздел 4.2), а также распространение модели с интенсификатором за пределами Волго-Камского ареала — как в уральских языках, так и в более широкой перспективе (раздел 4.3).

4.1. Семантика громкости как частный случай интенсификации: Волго-Камский ареал

Употребление интенсификатора с широкой сочетаемостью для указания на громкий звук фиксируется в ряде языков Волго-Камского ареала. Так, в литературном удмуртском языке используется лексема *зол*, см. *туж зол кеськыны* ‘очень громко крикнуть’, и следующие примеры интенсификационных контекстов:

зол аядми ‘сильный человек’, туж зол жадыны ‘сильно устать’, зол керттыны ‘туго завязать’, зол ужало ‘усердно работают’ [Удмуртско-русский словарь].

В еще одном уральском языке этого ареала — мокшанском — лексема *viškə* указывает на высокую громкость (*viškə rakama* ‘громкий смех’), а также встречается в некоторых контекстах интенсификации (*viškə nitəl* ‘быстрый заяц’, *viškə l'ej* ‘бурная река’, *viškə varma, lov, piž'ət* ‘сильный ветер, снег, дождь’, *viškə urta* ‘интенсивно развивающаяся болезнь’), см. подробнее [Кашкин и др. 2018: 811–812].

В татарском языке имеются лексемы *каты* и *көчле* (см. примеры в [Татарско-русский словарь 2007: 547, 638]), используемые в звуковых контекстах (*бик каты тавыш* ‘очень громкий голос’, *тавышы көчле яңгырый* ‘голос звучит громко’). Помимо этого, лексема *каты* передает значения ‘твердый’, ‘тугой’ (*каты алма* ‘твердое яблоко’, *каты пружина* ‘тугая пружина’) и указывает на высокую интенсивность различных признаков (*каты салкын* ‘сильный мороз’, *каты агым* ‘сильное течение’, *каты сугышлар* ‘упорные бои’, *каты авыру* ‘тяжелая болезнь’). В контекстах интенсификации используется и лексема *көчле*, см. *көчле куллар* ‘сильные руки’, *көчле шахес* ‘сильная личность’, *көчле салкын* ‘крепкий мороз’, *көчле яктылык* ‘сильный (резкий) свет’, *көчле революция дулкыны* ‘бурная революционная волна’. Когнат татарского *каты* — лексема *хытă* — используется в чувашском языке и имеет, если судить по словарным данным, схожий набор употреблений, см. *хытă сасăна калаç* ‘говорить громким голосом’, *хытă çăкăр* ‘черствый, твердый хлеб’, *хытă пружина* ‘тугая пружина’, *çил хытă вĕрет* ‘дует сильный ветер’, *хытă çисе тултартăм* ‘я здорово наелся’, *хытă чуп* ‘быстро бежать’ [Чувашско-русский словарь 1985: 569].

4.2. Уральские языки других ареалов: семантика громкости и морфологическая деривация

В уральских языках других ареалов обнаруживается ряд примеров, когда семантика высокой громкости выражается дериватами существительного, означающего ‘звук’, ‘шум’, ‘голос’. В венгерском языке это единицы *hangos* ‘громкий’ и *hangosan* ‘громко’, ср. *hang* ‘звук, голос’ [Венгерско-русский словарь 1987: 286]. В коми языке это лексемы *гора* ‘громкий, громко’ и *гораа* ‘громко’, ср. *гор* ‘звук, голос’ [Словарь диалектов коми языка 2012: 337–338]. В хан-

тыйском (казымский диалект) единицы *sijəŋ* ‘громкий’ и *sijəŋa* ‘громко’ образованы от существительного *sij* ‘звук, шум’ [Соловар 2020: 506].

На первый взгляд, тем самым, стратегия с обозначением громкости более общим интенсификатором концентрируется в языках Волго-Камского ареала. Однако из такой закономерности обнаруживаются и исключения, которые мы обсудим далее.

4.3. Громкость и интенсификация за пределами Волго-Камского ареала

Внутри уральской семьи модель употребления одной и той же единицы в контекстах громкости и в других интенсификационных контекстах зафиксирована, в частности, в финском и эстонском (прибалтийско-финских) языках. В финском языке такую модель развивает прилагательное *kova* ‘твердый’ и производное наречие *kovaa*, см. *kova maaperä* ‘твердый грунт’, *kova sydän* ‘жестокое сердце’, *kova kuumuus* ‘сильная жара’, *kova kiru* ‘сильная боль’, *kova ääni* ‘громкий голос’, *laulaa kovaa* ‘громко петь’ [Финско-русский словарь 1977: 267–268]. Для эстонского языка в [EVS] отмечено аналогичное развитие прилагательного *kõva* ‘твердый’ и производного наречия *kõva(sti)*.

Примеры рассматриваемого типа зафиксированы и в некоторых самодийских языках. В ненецком такие свойства проявляет прилагательное *с̄та* и производное наречие *с̄тавна*, см. *с̄та ненэць* ‘сильный человек’, *с̄та мерця* ‘сильный ветер’, *с̄та тэцьда* ‘лютый мороз’, *с̄та му* ‘резкий, громкий звук’, *с̄тавна тоярць* ‘громко стучать, барабанить’ [Терещенко 1965: 537]. В энецком засвидетельствовано обозначение громкости лексемой *агаан*, описывающей и другие интенсивно проявляемые признаки, ср. *бу агаан налэуа* ‘Он сильно покраснел’, *бу агаан дядуда энчи* ‘Он слишком медлительный человек’, *агаан nera дерцр* ‘Не разговаривайте громко’ [Сорокина, Болина 2009: 43].

Более широкие типологические данные доступны в базе данных [CLICS]. Как следует из этой базы, значение ‘loud’ (‘громкий’) выражается той же лексемой, что и значение ‘mighty’/‘powerful’/‘strong’ (‘могущественный’/‘мощный’/‘сильный’) в 17 языках из включенных в выборку проекта. Распространены и объединения значения ‘громкий’ со значениями ‘big’ (‘большой’), ‘hard’ (‘твердый’) — в 14 языках для каждого случая. Во всех этих случаях высокая громкость обозначается лексемами, склонными развиваться и различные интенсификационные значения.

Тем самым, модель обозначения громкости интенсификатором с широкой сферой употребления воспроизводится в языках Волго-Камского ареала, и нельзя исключать, что в этом ареале она поддерживается языковыми контактами. В то же время, похожая модель зафиксирована и в некоторых других уральских языках и не уникальна типологически. Поэтому ее не следует сводить только к контактному влиянию, но и полностью исключить роль ареального фактора в ее поддержании также невозможно (ср. теоретическое обсуждение в [Thomason 2001: 91] о том, что развитие какой-либо языковой модели обусловлено совокупностью внутренних и внешних факторов).

5. Заключение

В статье были рассмотрены способы выражения значений ‘громкий’/‘громко’ и ‘тихий’/‘тихо’ в горномарийском языке (на материале восточных говоров) и в удмуртском языке (на материале татышлинского говора). Базовыми средствами выражения высокой громкости в исследованных идиомах являются интенсификаторы с широкой сочетаемостью. В контекстах низкой громкости наблюдается как параллельная модель (в горномарийском), так и использование лексем, которые могут описывать низкую громкость либо низкую скорость.

Помимо этого, имеются специализированные лексемы, описывающие полное отсутствие звука в противовес тихому звуку (в горномарийском), и лексемы, характеризующие тихое поведение человека наряду с узким классом других контекстов (в обоих исследованных идиомах). В горномарийском языке в некоторых идиолектах противопоставлены речевые и неречевые ситуации в контекстах тихого звука.

Модель обозначения высокой громкости интенсификатором с широкой сочетаемостью имеет параллели в языках Волго-Камского ареала, в то время как в ряде уральских языков других ареалов используются другие модели. В то же время, модель с интенсификатором фиксируется в других ареалах (и в части уральских языков, и в языках других семей), поэтому ее развитие не следует однозначно сводить к контактному влиянию.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; ATT — аттенуатив; CVB — деепричастие; GEN — генитив; ILL — илла-

тив; ILL2 — второй (непродуктивный) иллатив; IN — инессив; INF — инфинитив; IMP — императив; ITER — итератив; LOC — локатив; MED — медиопассив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRET — претерит; PROP — проприетив; PRS — настоящее время.

Литература

- Байдуллина, ms — Байдуллина А.Т. Словарь татышлинского говора удмуртского языка. Неопубликованная рукопись.
- Венгерско-русский словарь 1987 — Венгерско-русский словарь / под общ. ред. Л. Гальди. М., Будапешт: Русский язык, Издательство Академии наук Венгрии, 1987.
- Кашкин и др. 2018 — Кашкин Е.В., Багрянская У.Ю., Бибаева М.А., Бикина Д.А., Бобрёноква А.А., Егорова А.Д., Закирова А.Н., Козлов А.А., Муравьёва А.М., Никифорова С.О., Новикова Е.С., Привизенцева М.Ю., Сидорова М.А., Шалганова Т.А. Признаковая лексика / Толдова С.Ю., Холодилова М.А. (отв. ред.), Татевосов С.Г., Кашкин Е.В., Козлов А.А., Козлов Л.С., Кухто А.В., Привизенцева М.Ю., Стенин И.А. (ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2018. С. 806–835.
- Словарь диалектов коми языка 2012 — Словарь диалектов коми языка. Т. 1 (А–О) / Безносикова Л.М. (отв. ред.). Сыктывкар: Кола, 2012.
- Проспект активного словаря 2010 — Проспект активного словаря русского языка / Апресян Ю.Д. (отв. ред.). М.: Языки славянских культур, 2010.
- Рахилина и др. 2015 — Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Орехов Б.В. И хрюкотали зелюки: предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике / Рахилина Е.В. (сост.), Резникова Т.И., Выренкова А.С., Орехов Б.В., Рыжова Д.А. (ред.). Глаголы звуков животных: типология метафор. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 9–33.
- Максимова, Сапожникова 2013 — Максимова А.О., Сапожникова М.А. Семантические поля «тихий», «громкий» в мокшанском языке. Экспедиционный отчет. Рукопись. М., 2013.
- Рожанский 2002 — Рожанский Ф.И. Редупликация в марийском языке / Кибрик А.Е. (ред.), Агранат Т.Б., Казакевич О.А. (ред.-сост.) Лингвистический беспредел. Сб. статей к 70-летию А.И. Кузнецовой. М.: Издательство МГУ, 2002. С. 75–94.
- Саваткова 2008 — Саваткова А.А. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008.
- Соловар 2020 — Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Новосибирск: Издательство СО РАН, 2020.
- Сорокина, Болина 2009 — Сорокина И.П., Болина Д.С. Энецкий словарь: с кратким грамматическим очерком. СПб: Наука, 2009.
- Татарско-русский словарь 2007 — Татарско-русский словарь. Т. 1 (А–Л). Казань: Магариф, 2007.

- Терещенко 1965 — Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
- Толстая 2008 — Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008.
- Удмуртско-русский словарь — Удмуртско-русский словарь. Электронный ресурс: <http://udmcorpus.udman.ru/dictionary>. Дата обращения: 15.07.2021.
- Федотов 1990 — Федотов М.Р. Чувашскомарийские языковые взаимосвязи. Саранск: Издательство Саратовского университета (Саранский филиал), 1990.
- Федотов 1996 — Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1. А–Р. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.
- Финско-русский словарь 1977 — Финско-русский словарь / Вахрос И., Щербаков А. (сост.). М.: Русский язык, 1977.
- Чувашско-русский словарь 1985 — Чувашско-русский словарь / Скворцов М.И. (ред.). М.: Русский язык, 1985.
- Яворська 2013 — Яворська Г.М. Українські прикметники на позначення сили звуку. Доклад, представленный на конференции «Лінгвістична типологія: методи й напрями досліджень», Каменец-Подольский, 5–7 апреля 2013 г.
- Baidoullina 2003 — Baidoullina A. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö. Tartu: Tartu ülikool, 2003.
- CLICS — Database of Cross-Linguistic Colexifications. Online resource: <https://clics.clld.org/> Accessed on 15.07.2021.
- EVS — Eesti-vene sõnaraamat [Estonian-Russian dictionary]. Online resource: <https://eki.ee/dict/evs/>. Accessed on 15.07.2021.
- Rakhilina, Reznikova 2016 — Rakhilina E., Reznikova T. A frame-based methodology for lexical typology. The lexical typology of semantic shifts. Juvonen P., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.). Berlin, Boston: Mouton de Gruyter, 2016. Pp. 95–129.
- Thomason 2001 — Thomason S. Language contact. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001.
- Wichmann 1987 — Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz / Uotila T.E., Korhonen M. (bearb.). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987.